

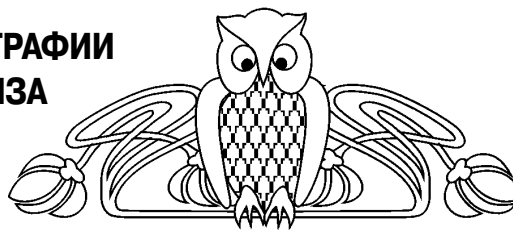

УДК 94 (=112.2) (47) |19|

О КРАЙНИХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: ПОПЫТКА АНАЛИЗА

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: a.a.german@mail.ru

Автор исследует два крайних и противоположных направления в историографии российских немцев. Оба они связаны с оценкой репрессий сталинского режима в отношении немецкого населения СССР. Одно из них оценивает репрессии против советских немцев как целенаправленную политику геноцида, другое пытается оправдать репрессии, объяснить их чрезвычайной ситуацией и высшими интересами государства. Автор доказывает несостоятельность обоих направлений историографии, отмечает их общие черты: категоричность и однозначность в оценках, пренебрежение существующими историографическими достижениями и традициями, выдвижение утверждений, не подкрепленных серьезными научными доказательствами. Одновременно вскрывается научная недобросовестность отдельных авторов.

Ключевые слова: историография, советские немцы, репрессии, депортация, геноцид, фальсификация.

On the Extreme Trends in the Historiography of the Russian Germans: an Attempt of Analysis

A. A. German

The author examines the two extreme and opposite directions in the historiography of the Russian Germans. Both are related to the evaluation of repression against the German population of the USSR during the Stalinist regime. One regards the repression against the Soviet Germans as a deliberate policy of genocide, the other tries to justify repression, to explain it by emergency and the supreme interests of the state. The author refutes both directions of historiography, notes their similarities: categorical and unambiguous in the estimates, neglect of the existing historiographic achievements and traditions, promotion of the allegations without any support of serious academic evidence. At the same time the academic dishonesty of individual authors is revealed.

Key words: historiography, Soviet Germans, repression, deportation, genocide, falsification.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-52-58

Историография российских немцев советского периода по-прежнему остается достаточно востребованной, о чем свидетельствует количество издаваемых работ по этой проблематике, как научных, так и публицистических¹. В целом можно уверенно говорить о здоровых тенденциях ее развития. Несмотря на некоторые, порой существенные, различия во взглядах авторов на те или иные события, факты, явления, их работы, а также проводящиеся между ними очные и заочные дискуссии всегда корректны, отношение к коллегам уважительное.

Вместе с тем уже в XXI в. сформировались два крайних, противоположных направления, объединяют которые категоричность и однозначность в оценках, пренебрежение существующими историографическими достижениями и традициями, выдвижение утверждений, не подкрепленных серьезными научными доказательствами. В центре обоих направлений стоит вопрос о репрессиях в отношении российских немцев.

Основные идеи работ представителей первого крайнего направления можно выразить формулой: «в отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид». Уже свыше десятка лет в целом ряде публицистических и даже научных работ по истории российских немцев присутствует мысль об *особой ненависти*, имевшейся у И. В. Сталина и его окружения к советским немцам, о *политике геноцида*, которая якобы проводилась по отношению к немецкому населению СССР перед войной (в 1930-е гг.), в военные 1941–1945 гг. и в первые послевоенные годы вплоть до смерти Сталина. Говоря о научных изданиях, можно назвать в этом плане двухтомную монографию В. Бруля, изданную в Германии².

Как представляется, основная «беда» сторонников «геноцида» заключается в том, что они до сих пор абсолютизируют историю российских немцев, исследуют ее в отрыве от общего исторического контекста, не пытаясь проводить сравнительный анализ положения немцев с положением других народов СССР, в том числе и русского. Между тем именно такое сравнение позволяет нарисовать действительно объективную ситуацию и ясно понять: было ли к немцам особо негативное отношение или нет, проводился ли в отношении них геноцид или это была общая антигуманная политика тоталитарного режима.

Говоря о «геноциде в отношении советских немцев», сторонники этой идеи ссылаются, главным образом, на три важных периода в истории советских немцев, когда их судьба действительно подвергалась суровым испытаниям:

- период «большого террора» 1937–1938 гг.;
- период Великой Отечественной войны, конкретней – с сентября 1941 г. (депортация) до весны 1946 г. (ликвидация «Трудармии»);
- послевоенный период 1946–1953 гг. (период юридически оформленного «немецкого» спецпоселения).

Рассмотрим эти три периода с точки зрения обоснованности и объективности постановки вопроса о геноциде в отношении советских немцев

1. «Большой террор» 1937–1938 гг. Сравнительные данные по «большому террору 1937–1938 гг. весьма красноречивы. По рассекреченным архивами ФСБ данным, за эти два года в СССР судебными и внесудебными органами было осуждено 1 млн 587 тыс. человек, из них 681,7 тыс. человек приговорены к расстрелу³. Если учесть, что население СССР в те годы составляло 190,7 млн человек⁴, то путем несложных операций можно подсчитать, что по стране было осуждено 0,84 % населения, расстреляно – 0,36 %.

Сравним эти данные с данными по немецкому населению СССР. По переписи 1939 г. в СССР проживало 1 млн 430 тыс. немцев⁵. В 1937–1938 гг. по разным обвинениям было осуждено от 69 до 73 тыс. немцев, из них расстреляно примерно 40 тыс. человек⁶. Подсчет дает следующий результат: в 1937–1938 гг. было осуждено 4,8–5,1 %, расстреляно – около 3 % немецкого населения страны. Как видим, немцев арестовывалось и осуждалось примерно в 6 раз больше, расстреливалось – почти в 10 раз больше, чем в среднем по стране.

Эти числа впечатляют и заставляют задуматься, а не правы ли сторонники идеи «геноцида»? Однако все познается в сравнении. По отмеченным выше показателям немцы стоят лишь на третьем месте, среди всех народов, подвергшихся в те годы репрессиям по национальному признаку. Их опережают поляки (осуждено 7,4 %, расстреляно свыше 5 %, только по «польской операции» было расстреляно 111 тыс. чел.). На втором месте – латыши (осуждено 5,5 %, расстреляно свыше 3 %). Немного уступают немцам литовцы, эстонцы, финны, венгры. Показатели этих народов СССР тоже намного превышают средние по СССР показатели арестов, осуждений и расстрелов⁷.

Еще один знаменательный показатель – процент расстрелянных от числа осужденных по национальным операциям НКВД. Он составляет:

- в среднем по всем национальным операциям – 73,66%;
- в греческой, финской, эстонской, латышской операциях – свыше 80;
- в польской операции – 79,44;
- в немецкой – 76,17⁸.

По этому показателю немцы вообще едва ли не на последнем месте среди «национальностей, родственных населению враждебных государств».

В качестве типичного региона (не являвшегося местом компактного проживания для немцев и других отмеченных выше народов) возьмем Москву и Московскую область. Здесь в 1937–1938 гг. в ходе проведения национальных операций было арестовано:

- по польской линии – 4873;
- по латышской – 2992;
- по немецкой – 2368⁹.

Известно, что в этом количестве арестованных присутствовали не только представители соответствующих национальностей, однако они все же составляли большинство, примерно в две трети. Поэтому по приведенным данным можно говорить о том, что, по крайней мере, поляки и латыши для советского руководства в тот период времени представлялись большей опасностью, чем немцы. Вывод подтверждается также количеством арестованных в этом же регионе людей за соответствующий шпионаж. Всего за шпионаж в 1937–1938 гг. было арестовано 14 899 человек, в том числе за шпионаж:

- польский – 5094;
- латвийский – 3359;
- германский – 2792;
- японский – 1604¹⁰.

Таким образом, в годы «большого террора» советских немцев действительно арестовывали и расстреливали в процентном отношении заметно больше, чем людей в среднем по стране. Несомненно, десятки тысяч расстрелянных – это преступление режима, которое нельзя оправдать и простить. Но уничтожение 3% немецкого населения – это все же трудно назвать геноцидом. Кроме того, немцы в этом плане были не одиноки. В репрессивной политике властей явно просматривается тенденция: завышенные нормы репрессий применялись к этническим меньшинствам, исторические корни которых вели за рубеж, в соседние государства, где народы, являвшиеся в СССР меньшинством, были коренным населением (Польша, Германия, Латвия и др.). Со многими из этих государств у СССР были испорчены отношения, поэтому они, по мнению советского руководства, могли представлять потенциальную военную угрозу для нашей страны. Германия в ряду этих государств стояла на третьем месте. Это вполне объяснимо, так как у Германии, в отличие от Польши и Латвии, не было общих границ с СССР.

2. Великая Отечественная война. Следующий довод сторонников «геноцида» по отношению к советским немцам со стороны советского руководства сводится к утверждению о массовом уничтожении немцев в «Трудовой армии» и местах депортации.

Накануне войны в европейской части СССР проживали 1 млн 157 тыс. немцев. В остальных районах СССР – чуть более 230 тыс. человек¹¹. К началу 1942 г. из европейской части СССР было депортировано 856,2 тыс. человек¹². Вместе с проживавшими в азиатской части СССР местными немцами общая численность немцев, проживавших к началу 1942 г. на неоккупированных территориях, составила примерно 1 млн 86 тыс. человек¹³.

В рабочие колонны («Трудовую армию») за все годы войны было мобилизовано приблизительно 316 тыс. человек. Они были взяты из уже отмечавшихся 1 млн 86 тыс. человек, проживавших над подконтрольной советскому руководству

территории СССР. В это число не вошли немцы-репатрианты, мобилизованные в «Трудармию» уже после окончания войны.

Число 316 тыс. человек включает в себя около 70 тыс. женщин и примерно 246 тыс. мужчин. Что касается мужчин, то это примерно 80–90 % от всего трудоспособного немецкого мужского населения в возрасте от 15 до 55 лет, женщины – свыше трети взрослого женского немецкого населения в возрасте от 16 до 45 лет. Как видим, степень мобилизации достаточно высокая, для мужского населения – практически поголовная¹⁴.

Очень трудно точно определить число немцев, умерших в «Трудармии». Статистика велась из рук вон плохо. По нашим расчетам, сделанным в конце 1990-х гг., это число составляло около 60 тыс. человек¹⁵. По отношению ко всему немецкому населению доля погибших в «Трудовой армии» тогда составляла приблизительно 5,5%.

Теперь обратимся к масштабам всего СССР. Работники Центрального архива Министерства обороны России сделали полный подсчет чисто военных безвозвратных потерь СССР в годы Великой Отечественной войны (погибших и умерших от ран и увечий). Они составили 11 285,1 тыс. человек¹⁶. Если взять численность населения СССР накануне войны в 1940 г. 194,1 млн человек¹⁷, то безвозвратные военные потери СССР в войне составили 5,8% всего населения страны. Как видим, процент потерь немцев в «Трудовой армии» чуть ниже процента военных потерь.

Показатель наших безвозвратных потерь в войне можно сопроводить некоторыми примерами, которые при соответствующем толковании вполне могут быть расценены как проявления геноцида советского командования по отношению к собственным военным служащим.

Так, американский генерал Д. Эйзенхауэр в своих мемуарах излагает рассказанный ему маршалом Г. К. Жуковым способ разминирования, принятый в Красной армии. Он, в частности, пишет: «Очень поучительным для меня было его описание русского метода атаки через минные поля. Немецкие минные поля, прикрытые оборонительным огнем, были тактическими препятствиями, которые приводили к большим потерям и задержкам. Прорыв через них всегда становился трудоемким делом, несмотря на то, что наши специалисты придумали массу всевозможных устройств для безопасного уничтожения мин.

Маршал Жуков совершенно обыденно рассказал мне о своей практике, которая была приблизительно такой: «Существуют два вида мин: противопехотные и противотанковые. Когда мы подходим к минному полю, наша пехота атакует, как будто его там нет. Потери от противопехотных мин мы считаем примерно равными тем, которые причинили бы нам пулеметы и артиллерия, если бы немцы решили защищать этот участок большими силами войск, а не минными полями. Атакующая пехота не подрывает противотанковые

мины, поэтому после прорыва через минное поле она создает плацдарм, после чего подходят саперы и прокладывают пути для техники»¹⁸.

Еще один пример. Американское военное командование даже в 1945 г., когда фашистская Германия начала агонизировать, всё равно избегало фронтальных атак на противника, считая их «тяжелым и дорогостоящим делом», сопряженным с большими потерями личного состава. В Красной армии фронтальные атаки применялись до последних дней войны. В частности, в ходе Берлинской операции во фронтальных атаках за Зееловские высоты погибло свыше 30 тыс. советских воинов¹⁹. Эти солдаты не дожили до Победы всего несколько недель.

Чем объяснить такие парадоксальные, на взгляд нормального человека, факты? Как расценить заранее планировавшуюся гибель советских солдат? Может быть это тоже геноцид? Несомненно, природа всех рассматриваемых явлений одна и та же. Она – в сущности сталинского тоталитарного режима.

За период с 1940 по 1948 г. население СССР сократилось на 19,4 млн человек²⁰. Это число достаточно сильно разнится с приводимой в последнее время величиной наших общих потерь в Великой Отечественной войне – 26,4 млн человек. Однако мы не можем брать эту величину для расчетов, так как не удалось обнаружить или подсчитать численность советских немцев в 1945 г. Снижение численности населения по стране за 1940–1948 гг. составило примерно 10%.

Численность советских немцев в 1948 г. составляла 1,12 млн человек, сократившись за военные годы на 310 тыс. человек²¹. Однако из этого числа необходимо вычесть не менее 160 тыс. немцев – бывших советских граждан, оказавшихся на оккупированной территории, подвергнутых «административному переселению» в Германию и сумевших избежать репатриации²². Тогда «внутренние» потери немецкого населения за 1941–1948 гг. составляют примерно 150 тыс. человек. В это число входит и 19,5 тыс. немцев, проживавших в Казахстане и оказавшихся жертвами страшной эпидемии сыпного тифа в марте – мае 1944 г. Кроме немцев, эта эпидемия унесла жизни десятков тысяч казахов, русских, представителей других народов, проживавших тогда в Казахстане. По этому поводу Совнарком СССР 5 апреля 1944 г. издал даже специальное постановление № 7503 «О борьбе с эпидемией тифа в Казахской ССР»²³. В целом снижение численности немцев за 1940–1948 гг. составило примерно 10,5%. Как видим, процент снижения численности немецкого населения за указанные годы больше процента снижения численности всего населения СССР, но не намного и с учетом статистических погрешностей вполне соизмерим с ним.

3. Послевоенные годы. После ликвидации «Трудовой армии» и завершения миграционных процессов, связанных с воссоединением немецких

семей, наблюдается интересная картина определенного демографического бума. Если в 1945 г. в СССР родилось 1 914 немцев, то в 1946 г. – 4 236, в 1947 г. – 7 314, в 1948 г. – 12 309, в 1949 г. – 29 126, в 1950 г. – 32 494²⁴. Несомненно, это были тяжелые годы, но такой бурный рост рождаемости явно противоречит утверждениям о проведении политики геноцида в отношении немцев и в первые послевоенные годы.

Объективности ради следует отметить, что смертность в эти годы также оставалась высокой и тенденция к ее снижению была неустойчивой. В 1945 г. умерло 6 930 человек, в 1946 – 8 915, в 1947 г. – 12 573, в 1948 г. – 17 679, в 1949 г. – 9 984, в 1950 г. – 10 340²⁵. Всплеск показателей смертности 1947–1948 гг. связан с последствиями послевоенного массового голода в стране. Он коснулся всего населения. Тем не менее начиная с 1949 г. рождаемость у немцев начинает быстро опережать смертность.

В 1950 г. на тысячу жителей:

- родилось в целом по СССР – 26,7;
- родилось у советских немцев – 28,9;
- умерло в целом по стране – 9,7;
- умерло у немцев – 9,2;

– естественный прирост в целом по стране – 17 человек;
– естественный прирост у немцев – 19 человек²⁶.

За 1948–1952 гг. численность немцев увеличилась на 105 тыс. человек, то есть почти на 11%, и на 1 января 1953 г. составила приблизительно 1 млн 227 тыс. человек²⁷. Так что говорить о каком-то геноциде в отношении немцев после войны также не приходится. Их основные демографические показатели выглядят даже благополучнее, чем в среднем по стране.

К приведенным выше цифровым данным можно было бы добавить массу фактов, явно опровергающих тезис о геноциде. Так, например, только в Свердловской области в 1951–1955 гг. на руководящих должностях в промышленности, строительстве, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства числилось свыше 300 немцев (руководители и заместители руководителей цехов, смен, предприятий, леспромхозов, совхозов, начальники депо, начальники движения и начальники веток на железнодорожном транспорте и др.)²⁸. Этим людям подчинялись не только немцы, но и представители других национальностей.

Многие немцы за активный и производительный труд награждались правительственными наградами. Например, в 1954 г. за образцовую и долготлетнюю работу в угольной промышленности орденом Ленина был награжден немец – шахтер из Воркуты М. И. Литавер²⁹, и это далеко не единственный пример.

Приведенные статистические данные и конкретные факты, как представляется, не дают основания считать, что у сталинского режима была

«особая ненависть» к советским немцам, что этот режим проводил специальную политику геноцида в отношении немецкого населения страны.

Вместе с тем, говоря о репрессиях против немцев и их дискриминации в 1930–1950-х гг. нельзя согласиться и с противоположными крайностями, нашедшими свое выражение в некоторых выводах, изложенных в ряде работ последнего времени.

Пристального внимания заслуживает солидная по объему монография профессионального историка с большим стажем Л. П. Белковец³⁰.

В целом автор провел подробное, тщательное и всестороннее рассмотрение правовых аспектов таких действий государственной власти, как принудительное переселение немецкого населения из европейской части СССР вглубь его территории, хозяйственное и социально-бытовое обустройство переселенцев, их труд, в том числе и по специальным мобилизациям в рабочих колоннах, положение в условиях режима спецпоселения.

Вполне обоснован вывод о том, что действия властей в отношении немецкого населения в годы войны не преследовали цели специального уничтожения по национальному признаку (геноцида). Л. П. Белковец отмечает, что действия властей привели к ликвидации национально-государственного образования советских немцев – АССР немцев Поволжья, переселению значительных масс немцев на восток, расселению их на огромной территории Сибири и Казахстана, а затем и других регионов, к принудительному трудовому использованию основного взрослого населения в тяжелейших условиях фактически на положении заключенных (особенно в системе лагерей НКВД). Все это нанесло серьезный ущерб немецкому этносу, привело к ломке его традиционного уклада жизни, изменению ментальности немцев, способствовало быстрому развитию ассимиляционных процессов, разрушению национальной самоидентификации.

Можно согласиться с Л. П. Белковец в том, что если в годы войны действия тоталитарной власти в отношении немецкого населения могут найти определенное оправдание, то сохранение режима спецпоселения на десять послевоенных лет «никакими благими намерениями нельзя оправдать»³¹.

Вместе с тем, как представляется, в определенное противоречие с этим утверждением вступают кажущиеся категоричными и недостаточно обоснованными именно «с точки зрения соблюдения прав человека и гражданина» (слова Л. П. Белковец. – А. Г.) выводы о том, что принудительное переселение ряда народов в годы войны и последующие действия власти в отношении них «не представляли собой репрессивного механизма» и что «политика СССР в отношении депортированных народов в 1940–1950-е гг. не может быть квалифицирована как преступление...»³² Следует подчеркнуть еще раз, что с этими вы-

водами особенно трудно согласиться, когда речь идет о послевоенном десятилетии.

Автор настоящей статьи не является юристом и не может достаточно компетентно аргументировать свое мнение в этих вопросах в правовом плане. Однако есть же прецедент осуждения как преступной идеологии и политической практики нацизма, его конкретных преступлений против народов, в том числе и собственного. Есть прецедент осуждения за конкретные преступления ряда представителей партийных и государственных органов бывших ГДР, Югославии и других стран после смены там политических режимов. В этом смысле представляется, что и у сталинского режима, запятнавшего себя за десятилетия своего существования, кровью многих тысяч невинных жертв, есть немало преступлений (в том числе и по отношению к немецкому населению), подпадающих под соответствующие правовые акты. А ведь именно из совокупности таких конкретных преступных действий складывается реальная, а не декларируемая политика власти. Иначе, с точки зрения элементарного здравого смысла, рисуется весьма странная картина: реабилитированы многие тысячи невинно осужденных, в том числе и уничтоженных, однако виновных в их незаконных осуждениях и гибели, даже по правовым нормам сталинского времени, – нет. Мы не говорим уже о миллионах исковерканных человеческих судеб.

Представляется, что, делая отмеченные выше выводы, Л. П. Белковец явно отходит от провозглашенного в одной из своих монографий принципа, заключающегося в том, что в своей исследовательской практике она всегда руководствуется «не только стремлением к поиску исторической истины, но и пониманием того, что знание этой истины способствует “преодолению” давящего над всеми нами трагического прошлого»³³.

Если Л. П. Белковец, отрицая репрессивный характер депортации, «Трудовой армии», оправдывает их военной необходимостью, а режим спецпоселения для немцев даже считает в какой-то мере ошибкой властей, то работа профессионального историка Д. В. Гаврилова выдержана в лучших традициях историографии и пропаганды сталинского времени³⁴.

Не утруждая себя поиском доказательств, он пытается провести идею, что депортации в военные годы имели место не только в СССР, но и у наших союзников по антигитлеровской коалиции, что это обычная практика всех стран антигитлеровской коалиции, что принципы и характер депортации во всех странах, включая СССР, были одинаковыми. Такие утверждения явно не соответствуют действительности³⁵.

Следующий его тезис: если у правительств Великобритании и США не было доказательств нелояльности депортируемых, то у советского правительства таких доказательств было «предостаточно». Д. В. Гаврилов приводит длинный список «фактов измены» советских немцев летом

1941 г., делая ссылку на ряд сборников документов и известных авторских исследований, включая и монографию автора настоящей статьи, в которых (!) приведенные им факты отсутствуют³⁶. Частично Д. В. Гаврилов пересказывает и обвинения, содержащиеся в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», не ссылаясь при этом на документ³⁷.

Необходимо отметить, что автор либо не знает (что непростительно доктору исторических наук, освещающему тему истории советских немцев), либо намеренно умалчивает тот факт, что 29 августа 1964 г. был издан еще один Указ Президиума Верховного совета СССР «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного совета СССР от 28 августа 1941 г. “О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья”», в котором была дана реальная государственная оценка выдвинутому против советских немцев обвинениям. «Жизнь показала, – отмечается в Указе 1964 г., – что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией...»³⁸. Таким образом, в статье Д. В. Гаврилова присутствуют откровенная фальсификация фактов, ложь и подлог.

Вместе с Л. П. Белковец Д. В. Гаврилов считает, что сегодня с позиции концепции прав человека нельзя «оправдать массовые депортации народов», но в годы войны это действие было вполне оправданным. В таком случае, как полагает историк В. М. Кириллов, можно оправдать, например, геноцид фашистов по отношению к евреям, поскольку президент Всемирного еврейского конгресса Х. Вейцман объявил в свое время войну германскому фашизму и евреям стали врагами Германии³⁹.

В своей статье Д. В. Гаврилов грубо нарушает принцип историзма. В его работе отсутствует должный глубокий исторический контекст (он ограничен только периодом войны), в то время как практика борьбы с собственным народом (а следовательно, и репрессивная политика против российских немцев) была присуща Советскому государству с момента его основания и особенно остро проявлялась в период с 1917 до середины 1950-х гг., а процесс реабилитации немецкого национального меньшинства состоялся только в 1990-х гг.

В заключение нельзя не отметить книги Р. О. Пономаренко, вышедшей в издательстве «Яуза» в 2014 г.⁴⁰ У нее интригующе-сенсационное название: «“Советские немцы” и другие фольклорные в войсках СС», причем на обложке в первую очередь бросаются в глаза выделенные крупным шрифтом слова «Советские немцы» и «в

войсках СС». Промежуточная строчка «и другие фольксдойче» явно теряется за ними. Остается лишь гадать, что это: рекламный трюк или здесь преследуется какая-то иная цель. Это впечатлительное существенно усиливается после прочтения оглавления, а потом и самого текста книги. Из 256 страниц книги «советским немцам», о которых так вызывающе кричит обложка, посвящено менее 18 страниц (!)⁴¹. Все остальные страницы книги повествуют об этнических немцах других стран Европы (Румынии, Венгрии, Югославии, Словакии, и т. д.), их службе в войсках СС.

На страницах раздела «Советский Союз» автор в самом общем плане, штрихами, пишет о привлечении оккупационной властью к сотрудничеству немцев Украины, которых не успели депортировать в Сибирь и Казахстан, и потому они оказались на захваченных нацистами территориях. В 1943 г. их принудительно переселили в Германию, мужчин призвали на военную службу в германские войска, в том числе и в войска СС. В разделе показана вербовка бывших немцев Украины в несколько полков СС. Текст носит описательный характер и включает в себя ряд коротких заметок об отдельных военнослужащих, их служебной карьере и судьбе.

Отсутствуют статистический материал, сравнения, которые могли бы дать какое-то более или менее целостное представление о службе советских немцев в войсках СС. В конце раздела Р. О. Пономаренко совершенно бездоказательно опровергает своих предшественников по перу, утверждающих, что в СС служило около 100 советских немцев и произвольно определяет их численность в 10–20 тыс. человек⁴². Такой разброс данных и отсутствие их обоснования вызывают серьезные сомнения в их достоверности, то же можно сказать и о профессионализме Р. О. Пономаренко.

Но даже если и поверить автору по максимуму, то 20 тыс. якобы служивших в СС советских немцев составляют всего 6,5 % от всех советских немцев, оказавшихся на оккупированных территориях⁴³, и уж совсем ничтожную долю от всех советских немцев периода войны. Об этом, однако, автор не пишет.

Завершая исследование, можно сделать вывод, что постановка вопроса о «геноциде» в отношении российских немцев, якобы осуществлявшемся советским руководством, с научной точки зрения представляется необоснованной и некорректной. Точно так же достаточно сомнительными выглядит и поиск юридических и иных зацепок для формулирования вывода об отсутствии состава преступления в действиях сталинской тоталитарной власти в 1941–1955 гг. по отношению к советским немцам, для оправдания ее действий условиями войны.

Тем более неприемлемыми являются попытки отдельных авторов фальсифицировать события, обманывать читателей ложными аргументами

и ссылками, искусственно смещать акценты, подгонять числа и факты под свои субъективные представления.

Оба крайних направления историографии российских немцев представляются ненаучными и тупиковыми.

Примечания

- Общее представление о современной историографии российских немцев можно получить, обратившись в электронную библиотеку информационного портала российских немцев. См.: URL:// <http://www.bibliothek.rusdeutsch.ru/>. Все книги и статьи – в открытом доступе. Их можно бесплатно скачивать.
- См.: *Bruhl V. Die Deutschen in Sibirien. Band 1,2. Nürnberg, München, Großburgwedel, 2003.*
- Подсчет сделан автором на основе опубликованных данных архива ФСБ РФ. См.: Военно-исторический архив. 2003. № 6. С. 52.
- См.: Население СССР : справочник. М., 1983. С. 8.
- См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин» : сб. документов (1940-е годы) / сост. Н. Ф. Бугай. М., 1998. С. 16.
- Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ : Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 66, 70, 71.
- Подсчет сделан автором на основе архивных данных.
- См.: *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. [Электронный ресурс]. URL:// <http://www.memo.ru> (дата обращения: 26.06.2011) ; *Охотин Н., Рогинский А.* Указ. соч. С. 69.
- Военно-исторический архив. 2003. № 6. С. 60.
- Там же.
- Подсчет сделан автором на основе опубликованных данных о численности немецкого населения. См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» С. 16–18.
- Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 41.
- Подсчет сделан автором на основе приведенных выше опубликованных и архивных данных.
- См.: *Герман А. А., Курочкин А. Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии». М., 1998. С. 67.
- Там же. С. 114–116.
- См.: Гриф секретности снят : потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : стат. исследование. М., 1993. С. 158.
- См.: Население СССР. С. 8.
- Eisenhower, D. D.* Crusade in Europe : A personal Account of World War II. L., 1948. P. 467–468.
- См.: Советская военная энциклопедия. 2-е изд. Т. 1. М., 1990. С. 386.
- См.: Население СССР. С. 8.
- Подсчет сделан автором на основе данных В. Н. Земскова. См.: *Земсков В. Н.* Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

- ²² См.: *Герман А. А.* Репатриация советских граждан немецкой национальности : характер проведения и результаты // *Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1945 гг.* М., 2001. С. 258, 264.
- ²³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 137.
- ²⁴ См.: *Бугай Н. Ф.* Немцы в структуре производительных сил СССР : трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // *Немецкий российский этнос : вехи истории.* М., 1994. С. 89 ; *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 162–163.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Данные по населению СССР сост. по: *Население СССР : Справочник.* С. 55. Данные по немецкому населению рассчитаны автором.
- ²⁷ Подсчет сделан автором на основе данных В. Н. Земскова. См.: *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 151–165.
- ²⁸ Подсчет сделан автором: ГАРФ. Ф. 9479.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 151.
- ³⁰ См.: *Белковец Л. П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпереселении 1941–1945 гг. : Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003.
- ³¹ Там же. С. 299.
- ³² Там же. С. 298, 301.
- ³³ См.: *Белковец Л. П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни Сибири. М., 1995. С. 6.
- ³⁴ См.: *Гаврилов Д. В.* Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // *Военно-исторический журн.* 2012. № 1. С. 3–9.
- ³⁵ Подробнее об этом см., например: *Кириллов В. М.* Депортация российских немцев в годы Второй мировой войны : научные дискуссии и фальсификация проблемы // *Российские немцы : 50 лет послевоенному общественному движению : От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе самоорганизации (1964–2014 гг.) : материалы 5-й междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 11–16 февр. 2015 г.). М., 2015. С. 372–376.
- ³⁶ Сноска Д. В. Гаврилова № 14 : Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 г.). М., 1995. С. 241, 242 ; *Бугай Н. Ф.* И. Сталин – Л. Берия : «Их надо депортировать...» : документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 75 ; *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге, 1918–1941 : в 2 ч. Ч. 2. Саратов, 1994. С. 283, 294, 295 ; *Наказанный народ.* М., 1999. С. 100 ; *Поляня П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 105. См.: *Гаврилов Д. В.* Указ. соч. С. 7.
- ³⁷ См.: *Гаврилов Д. В.* Указ. соч. С. 7–8.
- ³⁸ История российских немцев в документах. М., 1993. С. 178–179.
- ³⁹ См.: *Кириллов В. М.* Указ. соч. С. 374–375.
- ⁴⁰ См.: *Пономаренко Р. О.* «Советские немцы» и другие фольксдойче в войсках СС. М., 2014. 256 с. (Победа любой ценой. Горькая правда о Великой Отечественной войне).
- ⁴¹ Там же. С. 159–177.
- ⁴² Там же. С. 175, 176.
- ⁴³ На оккупированной территории СССР в 1941 г. оказалось 303,8 тыс. советских немцев, подавляющее большинство которых (280,7 тыс.) проживало на Украине, остальные – на Северном Кавказе, в районе Таганрога, в Белоруссии, в западных областях РСФСР. См.: *Герман А. А.* Репатриация граждан СССР немецкой национальности и отправка их на спецпоселение (1944–1946 гг.) // *Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. Вып. 4.* Саратов, 2000. С. 261.

Образец для цитирования:

Герман А. А. О крайних направлениях в историографии российских немцев: попытка анализа // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 1. С. 52–58. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-52-58.

Cite this article as:

German A. A. On the Extreme Trends in the Historiography of the Russian Germans: an Attempt of Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 52–58 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-52-58.